

ПРОГРАММА

Благодарная Молдавия – братскому народу России

Благотворитель

Бизнес-Элита, SRL (Кишинев)

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Наиболее обстоятельно разработана тема «декабристской легенды» – своего рода практическое пособие для желающих сакрализовать любое историческое событие. Мастер-класс А.И.Герцена: как он превратил декабрьское восстание в священный миф русской интеллигенции.

А.Печерский
Урал. 2004. № 9.

Исследуется <...> конструирование Герценом декабристского мифа, который повлиял на несколько поколений русской интеллигенции. В частности, как полагает Эрлих, называя декабристов «героями» и «мучениками», Герцен соединял в этом понятии признаки «воинов» и «колдунов», с целью превратить историю декабристов в сакральный текст русской интеллигенции. Действуя подобным образом, Герцен, тем самым, освящал открытое насилие как способ политического несогласия <...>. Герценовская легенда несет в себе отпечаток языческого тотемизма, который позволил официальным советским идеологам создавать впечатление духовной преемственности с предыдущими «поколениями» борцов с царизмом. Интеллигенция, в свою очередь, использовала эту же легенду, чтобы устранить названную идентичность власти с декабристами, подготавливая таким образом общество к *перестройке*. <...> Несмотря на то, что доказательства автора исчерпывающи и убедительны, его предпосылки не представляют собой новый взгляд в сравнении с исследованиями Лидии Гинзбург, Юрия Лотмана и других, занимавшихся этим вопросом.

Yu.Minkova, University of Southern California
Slavic and East European Journal. 2005. V. 49. № 1.

Кандидатскую диссертацию автора «*История Мифа (“декабристская легенда” Герцена)*» <...> отличает совершенное владение огромной литературой о Герцене и декабристах и определенная сдержанность тона <...>. Эссе о «декабристской легенде» – действительно очень важный вклад в российскую интеллектуальную историю. Эрлих доказывает, что легенда была «основным мифом» русской интеллигенции и что Герцен был ее последовательным создателем. По его мнению, Герцен не был ни воображаемым Айлин Келли рациональным скептиком, ни либеральным плюралистом, известным по работам Исая Берлина, ни даже просвещенным революционером советских книг. Он романтик, в чьей прозе используется христианская символика, чтобы «портретировать» декабристов как мучеников/героев. Автопортрет Герцена – от знаменитой клятвы на Воробьевых горах до самой смерти – также исполнен героических поз основанных на языческих и христианских архетипах. Согласно Эрлиху, герценовская программа преобразования России не могла увенчаться успехом, если бы «гальваническая» энергия мифа не привлекала к себе новых сторонников самопожертвования, благородных борцов с огнедышащим драконом-государством. Помимо общей концепции, Эрлих много сказал об источниках Герцена, использованных при освещении декабристской темы и о его специфических способах обращения с этими источниками. <...> Для занимающихся Герценом и декабристами эта книга – насущная необходимость.

G.M.Hamburg, Claremont McKenna College
Russian Review. 2005. V. 64. № 1.

Владеющий огромным материалом автор разворачивает перед нами подробнейшую и детально обоснованную картину возникновения и развития декабристской мифологии, оказавшей важнейшее психологическое воздействие на русское общественное сознание. Здесь обилие свидетельств, несмотря на некоторую дискретность, не кажется чрезмерным. С.Эрлих рассматривает прежде всего не сам феномен декабризма, но удивительную модификацию исторической реальности в сознании нескольких поколений интеллигенции. Сама по себе концентрация конкретного материала создает напряженное смысловое поле, в котором движутся главные персонажи. Именно в этой концентрации материала – принципиальное достоинство исследования. Таким образом создается плацдарм для трезвого анализа уникального историко-психологического явления.

Я.А.Гордин

Глава о декабристах и Герцене, – самая, по-моему, добротная. Здесь и мифологические включения (начиная с главных сущностей: декабристы как герои и мученики) вполне конкретны. Главное же – обстоятельнейшая, скрупулезнейшая разработка фактических материалов и хронометрическое расположение их по полочкам отдельных личностей и групповой проблематики. И весь громадный декабристский массив подается «sub specie» Герцена. <...> Без труда С.Эрлиха теперь не обойдется ни одно исследование о декабристах и Герцене.

Б.Ф.Егоров

Идея декабристского мифа была высказана еще Н.А.Бердяевым <...>. Однако именно С.Эрлих ее тщательно артикулировал и обосновал. Миф Герцена принадлежит ему.

Б.Н.Миронов

В этой книге дано новое, чрезвычайно оригинальное толкование того, что произошло на Воробьевых горах. <...> Зоркий глаз С.Е.Эрлиха разглядел в этом религиозно-мистическом действе обряд инициации. Не больше и не меньше. О Герцене так не писал еще никто. Это настолько оригинальное истолкование эпизода на Воробьевых горах, что своей необычностью оно сразу же вызывает у читателя реакцию отторжения. Это и понятно. Герцен, Огарев и вдруг «инициация». Не в переносном смысле, а в самом, что называется, прямом. В переносном было бы еще ничего, а вот в прямом?! Ведущие интеллектуалы девятнадцатого столетия и языческий обряд примитивных народов. Может, автор <...> решил подшутить над доверчивым читателем или, ощутив себя одним из членов сакральной касты шаманов, захотел испытать силу своей колдовской власти над читательскими умами? Может быть, начинающий исследователь попытался таким оригинальным способом самого себя инициировать, то бишь посвятить в авторы? Нет, С.Е.Эрлих, за плечами которого уже целый ряд оригинальных статей, ни над кем не шутит, никого не испытывает. Не подвергает испытанием он и самого себя. Все это написано абсолютно серьезно.

М.М.Сафонов

Эрлих пишет интересную, содержательную историю. Таков, прежде всего, его очерк о декабристах и Герцене. Эрлих подробно и со знанием дела прослеживает все ссылки Герцена на важный для него опыт неудачливых революционеров прежнего поколения.

А.М.Эткинд

С.Е.Эрлих

ИСТОРИЯ МИФА
(«ДЕКАБРИСТСКАЯ ЛЕГЕНДА»
ГЕРЦЕНА)

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2006

УДК 94(47+57)«18»

ББК 63.3(2)47

Э79

Печатается по решению Сената
Высшей Антропологической школы

Научный редактор:
канд. ист. наук М.Е.Ткачук (Кишинев)

Рецензенты:
докт. ист. наук А.О.Добролюбский (Одесса)
докт. ист. наук О.И.Киянская (Москва)
докт. ист. наук Н.Д.Руссев (Кишинев)

Эрлих С.Е.

Э79 История мифа («Декабристская легенда» Герцена) / С.Е.Эрлих. —
СПб. : Алетейя, 2006. — 268 с.

ISBN 5-89329-816-1

Книга посвящена созданию декабристского мифа — «основного мифа» отечественного декабристоведения и русской интеллигенции. Автор доказывает, что миф был сконструирован А.И.Герценом из подручного языческого и христианского материала. Сотворенное им сочетание несовместимых мифологических структур (христианские «мученики» — языческие «герои») определило благоговейное восприятие декабристов в интеллигентской среде на протяжении полутора столетий.

The book is devoted to the creation of the Decembrist legend — «the principal myth» of the Russian Decembrist studies and the Russian intelligentsia. The author argues that the myth was fabricated by A.I.Herzen based on Pagan and Christian material that was available at that time. He created a combination of incompatible mythological structures such as Christian «martyrs» and Pagan «heroes». This resulted in a respectful image of the Decembrists amongst the intelligentsia during a period of over one hundred and fifty years.

ISBN 5-89329-816-1

© С.Е.Эрлих, 2006

© «Алетейя. Историческая книга», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

I.	Мифологические предпосылки отечественного декабристоведения. (Постановка проблемы).....	11
	1. Декабристы как история и как миф.....	13
	2. Слово 'декабристы'.....	22
	3. Характеристика декабристского мифа в историографии темы «Герцен и декабристы».....	28
II.	Место декабристов в персональном мифе Герцена.....	45
	1. «Миф Герцен».....	47
	2. «Испытание»: «Воробьевы горы» – декабристская инициация Герцена и Огарева.....	52
	2.1 Переход в сакральное пространство.....	53
	2.2 Смерть и возрождение.....	55
	2.3 Приобщение к тайному знанию.....	56
	3. «Добывание»: метафоры тираноборчества.....	57
	3.1 «Святой рыцарь»/«громовержец» против «чудовища».....	57
	3.2 Солнце против мрака.....	63
	3.3 «Полярная звезда».....	65
III.	Декабристский миф.....	77
	1. Созидательная жертва.....	81
	1.1 Античные метафоры.....	82
	1.2 Христианские метафоры.....	83
	1.2.2 <i>Отожествления с Христом</i>	84
	1.2.1 <i>Параллели евангельского сюжета с историей декабристов</i>	86
	1.2.3 <i>Святые мученики</i>	88
	1.2.4 <i>Другие библейские метафоры</i>	90
	2. Первопредки.....	91
	2.1 «Наследие».....	93
	2.2 «Нравственное пробуждение».....	95
IV.	«Историческая философия» 14 декабря.....	105
V.	История в преломлении мифа.....	115
	1. Источники Герцена.....	120
	1.1 Источники, предположительно известные Герцену.....	120
	1.2 Источники, достоверно известные Герцену.....	121
	1.3 Источники, сведения которых использованы в произведениях Герцена.....	126
	1.3.1 <i>«Донесение следственной комиссии»</i>	131
	1.3.2 <i>«Записки» И.Д. Якушкина</i>	135
	1.3.3 <i>Воспоминания Н.А. Бестужева</i>	137
	2. Имена.....	140
	2.1 «Рассказ о пяти повешенных».....	141
	2.1.1 <i>П.И. Пестель</i>	141
	2.1.2 <i>К.Ф. Рылев</i>	144
	2.1.3 <i>С.И. Муравьев-Апостол</i>	146

2.1.4 М. П. Бестужев-Рюмин.....	148
2.1.5 П. Г. Каховский.....	148
2.2 «Воскресшие из гроба».....	151
2.2.1 И. Д. Якушкин.....	154
2.2.2 С. П. Трубецкой.....	155
2.2.3 М. С. Лунин.....	156
2.2.4 С. Г. Волконский.....	156
2.2.5 Н. М. Муравьев.....	157
2.2.6 А. В. Поджио.....	158
2.2.7 А. А. Бестужев.....	159
2.2.8 Е. П. Оболенский.....	161
2.2.9 А. П. Юшневский.....	161
2.2.10 И. И. Пуцин.....	162
2.2.11 М. А. Фонвизин.....	162
2.2.12 Декабристы-«сибиряки», упоминаемые менее чем в пяти произведениях Герцена.....	163
2.3 «Декабристы без декабря».....	163
2.3.1 М. Ф. Орлов.....	164
2.3.2 П. Я. Чаадаев.....	166
2.3.3 А. А. Тучков.....	177
2.3.4 Н. И. Тургенев.....	179
2.4 «Ренегаты».....	184
2.4.1 М. Н. Муравьев.....	186
2.4.2 В. П. Зубков.....	189
2.4.3 А. А. Суворов.....	189
2.4.4 С. С. Ланской.....	191
2.4.5 М. Д. Горчаков.....	192
2.4.6 С. П. Штоф.....	193
2.5 «Предатели».....	193
2.5.1 Я. И. Ростовцев.....	194
2.6 «Мнимые декабристы».....	196
2.6.1 В. Ф. Адлерберг.....	196
2.6.2 А. М. Бакунин.....	196
2.6.3 Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч.....	197
2.6.4 В. А. Долгоруков.....	197
2.6.5 Ф. И. Тютчев.....	198
3. События.....	199
3.1 История тайных обществ.....	199
3.2 Междоусербие и восстания на Севере и Юге.....	207
3.3 Следствие, суд, казнь.....	211
3.4 Декабристы на каторге и в ссылке.....	215
3.5 Декабристы после амнистии.....	216
VI. Перспективы темы.....	231
Литература.....	237
Указатель имен.....	255

I

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДЕКАБРИСТОВЕДЕНИЯ

(ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)*

* Впервые опубликовано – Эрлих 2001. Настоящая публикация дополнена и переработана.

1. ДЕКАБРИСТЫ КАК ИСТОРИЯ И КАК МИФ

Первое, что поражает при обращении к декабристской теме – ее «поистине огромная» литература (Нечкина 1955а: 5). Она нашла отражение в четырех преемственных библиографических указателях:

- 1) Ченцов 1929 – 4451 библиографическая единица;
- 2) Эймонтова 1960 – 3613;
- 3) Эймонтова 1983 – 3800;
- 4) Мироненко 1994 – 3231.

Ввиду того, что во многих случаях под одной единицей учтено несколько публикаций, их общее число намного превосходит суммарное количество библиографических единиц – 15095. По моим подсчетам, в четырех указателях зафиксировано (без учета рецензий) 18355 публикаций. Из них преимущественно декабристской тематике посвящены:

- 1) 217 книг – публикации мемуаров, дневников, писем, официальных документов;
- 2) 422 книги – монографии и научно-популярные работы;
- 3) 232 сборника статей;
- 4) 4022 статьи в журналах и сборниках;
- 5) 149 авторефератов диссертаций.

В этой связи, видимо, правомерно утверждение, что декабристы – «одна из наиболее исследованных тем отечественной дореволюционной истории» (Казьмирчук, Силкин 1990: 3). Более того, возможно, что это наиболее популярный в отечественной историографии сюжет «петербургского периода»: «Движение декабристов не перестает интересовать историков. События более чем полуторавековой давности, несмотря на свою отдаленность, вновь и вновь притягивают к себе внимание, волнуют, побуждают размышлять, сопоставлять, делать выводы для настоящего, прогнозы на будущее» (Эймонтова 1995: 178). Такой интерес историков загадочен, поскольку не

объясним потребностями исторической науки, измеряющей значимость того или иного события, в первую очередь, его непосредственными последствиями. В этом смысле значение декабристов несопоставимо с преобразованиями Петра Великого, «великими реформами» Александра II, Отечественной войной 1812, Мировой войной 1914–1918. Последнее косвенно подтверждается скудостью декабристской темы в западной историографии. Среди тысяч работ по русской истории XIX – нач. XX вв. декабристам посвящены чуть более десятка. Причем самые значительные принадлежат выходцам из России. Как историческая заурядность декабристов может сочетаться с тем выдающимся положением, какое они занимают в «историческом наследии» – наших представлениях о прошлом¹?

В поисках ответа необходимо на время отвлечься от декабристов и прежде выяснить, в каких формах нам явлено прошлое и как эти формы связаны между собой. А прошлое существует для нас не только как *история* – неповторимые действия людей². Прошлое живет в общественной памяти и как *миф* – повторяемые людьми действия богов и культурных героев (Элиаде 1998: 56–76)³.

Обращаясь к двойственности восприятия прошлого, нельзя обойти молчанием широко распространенный предрассудок, согласно которому миф (легенда, предание⁴) – «это вымысел, не соответствующий действительности или даже вообще утверждающий нечто несуществовавшее» (Нечкина 1955а: 16). Диапазон этого «вымысла» простирается чрезвычайно широко: от невинных выдумок народных сказок до злонамеренной лжи государственной пропаганды. В действительности миф – это не форма вымысла или лжи, а способ осознания мира, порожденный особым мифологическим типом мышления. И в этом смысле миф противоположен логическому⁵, «научному», «рациональному» типу мышления (Фрейденберг 1936: 255; Лотман, Успенский 1973: 283–284). В настоящем исследовании, прежде всего, рассматривается взаимодействие мифа с логическим, «научным», «рациональным» способом восприятия прошлого, т.е. с историей.

Существует и второй предрассудок, препятствующий осмыслению проблемы феноменального интереса к декабристам в двойственном «историомифическом» ключе⁶. Согласно этому предрассудку: 1) Миф – способ восприятия прошлого, свойственный архаическим народам, бытующий в современном обществе исключительно как пережиток, не характерный для интеллектуальных элит Нового времени;

2) История – присущее «нововременному» человеку представление о прошлом, архаическим людям недоступное⁷. «В отличие от древних, современные люди соотносят себя с историей и исключительно с ней» (Дараган 1987: 5). Хронологическое разнесение рассматриваемых феноменов (первобытная эпоха – миф, древность и средневековые – переходный период, Новое время – история) верно лишь как тенденция. В действительности история зарождается в глубокой древности (Элиаде 1998: 116–17; Лотман, Успенский 1973: 291–292). В свою очередь, миф не умирает с наступлением Нового времени, «функционируя в современном обществе по тем же основным законам», что и в древности. «Он служит парадигмой профанной деятельности, он вызывает к жизни или же объясняет некий ритуал» (Дараган 1987: 24). Миф, вытесненный в подполье бессознательного, скрытно задает *направление* «критики чистого разума». Вот почему М.Элиаде считает возможным определить поведение наших современников как «криптомифологическое» (Дараган 1987: 23).

Ю.М.Лотман и Б.А.Успенский (1973: 292) полагают, что «гетерогенность» – сочетание мифа и логики – «является исконным свойством человеческого сознания, для механизма которого существенно необходимо наличие хотя бы двух не до конца взаимопереводимых систем». История и миф – взаимосвязанные атрибуты сознания, выполняющие разные задачи. Общественная роль истории – творение новых способов деятельности. Последние испытываются «критерием истины» и либо отвергаются, либо принимаются в качестве образцов для подражания. Назначение мифа – удержать эти образцы в общественной памяти, «установить образцовые модели для всех обрядов и всех важных видов человеческой деятельности» (Элиаде 1999в: 324).

Герой мифа – создатель значимых для общества «практических отношений к миру», с именем которого эти способы деятельности связаны в общественном сознании⁸. Священный характер героя имеет вполне рациональное объяснение. Он обусловлен задачами общественного воспитания – стремлением как можно убедительнее представить необходимость подражания образцовой деятельности. Ссылка на священный, т.е. высший авторитет наглядна (поступай по примеру бога/героя, потому что «это хорошо») и, следовательно, более влиятельна, чем затруднительные для понимания теоретические рассуждения: «Мы должны делать то, что совершали боги в начале времен» (*Шатанатха-брахмана*, VII, 2, 1, 4); «Так поступали боги, а теперь так поступают люди»

(*Тайттирия-брахмана*, I, 5, 9, 4; Цит. по: Элиаде 1999в: 334). Е.М.Мелетинский (1976: 167) отмечает, что ориентацию «на достойные подражания сакрализованные “образцы” можно обнаружить и в обществах с весьма развитой цивилизацией». Забегая вперед, не могу удержаться, чтобы не привести рассуждения А.И.Герцена по аналогичному поводу. Они во многом объясняют причину феноменального интереса к декабристам:

«14 (26) декабря действительно открыло новую фазу нашего политического *восстания*, и — что может показаться странным — причиной огромного влияния, которое приобрело это дело и которое сказалось на обществе больше, чем пропаганда, и больше, чем теории, было само восстание, геройское поведение заговорщиков на площади, на суде, в кандалах, перед лицом императора Николая, в сибирских рудниках. <...> Теория внушает убеждения, *пример* определяет образ действий» (Герцен VII: 200, в дальнейшем при ссылках на Собрание сочинений А.И.Герцена в 30-ти томах указывается только номер тома — С.Э.)⁹.

Миф начинается с неповторимого, т.е. исторического, события. М.Элиаде (1999в: 298) в качестве одной из «ключевых характеристик мифического времени» указывает следующий факт: «Сакральное время имеет свое “начало” в истории; “начало” это совпадает с тем моментом, когда божество творит или организует мир, когда предок или культурный герой устанавливает прообраз какой-то деятельности». Исторические события конкурируют, чтобы завершиться мифом, стать образцом для подражания¹⁰. История обретает в мифе статус «исторического наследия», переживаемого как «сложное чувство очарования и трепетного страха» (Р.Отто; Цит. по: Чаликова 1987: 255). Трепетное отношение к «историческому наследию» выдает его мифическую природу.

«Историомифическая» двойственность осознания прошлого позволяет выдвинуть следующее объяснение вопиющего несоответствия между историческим значением декабристов и размахом декабристоведческих исследований. Можно предположить, что этот интерес вызван не столько восприятием декабристов как исторических деятелей, сколько отношением к ним как «культурным героям», чьи деяния приобрели значение нравственного образца, т.е. одного из «основных мифов» в структуре «исторического наследия» русской культуры:

«Романтическая эпоха 20-х годов XIX в., движение декабристов — темы, уже более века вызывающие устойчивый интерес исследователей и читателей.

Интерес этот вполне объясним: неизменно суровая российская действительность заставляет искать идеалы в прошлом. В том времени, когда, по преданию, “помыслы были чисты” и молодые русские дворяне, люди вполне благополучные и обеспеченные, ставили на карту не только карьеры, но и жизни для того, чтобы искоренить царящую в обществе несправедливость» (Киянская 1997: 7).

Гипотеза о мифе косвенно подтверждается тем, что интерес к декабристам получает не одно лишь научное воплощение. М.В.Нечкина (1978: 7) отмечает, что слово ‘*декабристы*’ – не только «неотъемлемый термин исторической науки», оно еще и обладает общекультурным значением. В библиографии декабристов с академическими исследованиями соседствует газетно-журнальная публицистика, а также художественные произведения всех жанров, многие из которых принадлежат корифеям «золотого», «серебряного» и «железного» веков русской словесности: «Миф может “выродиться” в эпическое сказание, балладу или роман <...>, не теряя при этом ни своей структуры, ни значения» (Элиаде 1999в: 359; Ср.: Чаликова 1987: 263). Гипотетический декабристский миф предположительно стимулирует и направляет отечественных историков. Следовательно – выступает как *предпосылка* исторических исследований. В чем может проявляться его воздействие на историографию декабристоведения?

Американский литературовед Л.Дж.Лейтон (1995: 14) указывает на «явную тенденцию советского периода превращать декабристов, которым не чужды были человеческие слабости, в *благородных рыцарей революции*» и на стремление «части» советских историков «затушевать не вполне достойное поведение некоторых заговорщиков». Со стороны, как говорится, виднее. «Новые русские» исследователи также фиксируют тенденцию прежнего декабристоведения отбирать из истории «факты, укладываемые в мифологизирующую схему», – тенденцию, характерную, по мнению Г.А.Левинтона (1992б: 333), для исторического предания. Содержанием последнего «является не историческое событие, а воспроизводимая мифологическая схема». К 170-летию восстания декабристов в журнале «*Отечественная история*» (1995. № 6) была опубликована подборка любопытных исследований и рецензий. Их авторы на различных примерах демонстрируют, как советские декабристоведы не замечали очевидных фактов.

М.А.Рахматуллин (1995: 4) рассказывает о «мерах, предпринятых по инициативе Николая I с целью облегчить материальное положение семей декабристов. Осуществлялись они в строго секретном порядке». «И потому

Николая Павловича нельзя заподозрить в лицемерии и притворной добродетельности» (Андреева 1998: 142): «Эти факты отражены в документах хорошо известных и в достаточной степени изученных фондов РГВИА. Очевидно, они настолько *не укладывались в рамки* устоявшегося представления о Николае I, что историки советского времени предпочли вообще умолчать о них». «Рамки» возникли «по тем или иным причинам (в том числе и сугубо конъюнктурным)» (Рахматуллин 1995: 4, 17). Для настоящего исследования важно, что «в том числе», наряду с «сугубо конъюнктурными», подразумеваются и причины иного характера¹¹.

О.И.Киянская (1995: 22) отмечает «парадоксальную ситуацию» в советском декабристоведении:

«Большое количество документов, как опубликованных, так и хорошо известных архивистам, оказались выключенными из научного оборота, материалы эти не учитывались при написании статей и монографий. Традиционное для русских историков *восхищение* декабризмом стало сочетаться с четко оформленным социальным заказом». В работах о восстании Черниговского полка «тщательно обходились стороной <...> данные о бесчинствах солдат в дни восстания, о нравственном падении офицеров, не сумевших удержать в полку дисциплину и вынужденных потакать своим подчиненным. Следуя политической конъюнктуре, советские ученые были вынуждены “забывать” о давно опубликованных фактах, доказывать, что “правительство распускало клеветническую легенду о ‘неистовствах’ черниговцев во время восстания”. И убеждать себя и читателей, что “большинство источников, в том числе и официальных, наоборот, отмечают строгую дисциплину в революционных ротах Черниговского полка”» (Киянская приводит цитаты из статьи И.В.Пороха (1954: 174)).

О.И.Киянская, аналогично М.А.Рахматуллину, не сводит причины «выключения из научного оборота» ряда документов только к «социальному заказу» («политической конъюнктуре»). Но, в отличие от Рахматуллина, она прямо называет «иную причину» – «традиционное для русских историков восхищение декабризмом».

О.В.Эдельман (1995: 36), рассматривая воспоминания декабристов о следствии, приходит к выводу, что у последних: «Сложилась версия событий, порой даже противоречившая хорошо известным фактам, искажавшая их. <...> Это не только оставило определенный отпечаток на их воспоминаниях, но и привело к возникновению своего рода “декабристского предания”». Сопоставление воспоминаний декабристов о следствии со следственными документами дает уникальную возможность «протестировать» мемуары на предмет их достоверности. Тем не менее, «такого

рода исследование до сих пор не осуществлялось» (Эдельман 1995: 34). Историк предоставляет читателям самостоятельно делать заключения, почему важнейшая источниковедческая проблема была обойдена вниманием. Сопоставление, проведенное О.В.Эдельман (1995: 36), заставляет думать, что декабристovedы, как и декабристы-мемуаристы, «старались избегать подробностей, бросавших тень <...>, не желая омрачить даже малейшим намеком память казненных». Действительно, контраст мемуарных рассказов о следствии, где «декабристы старались упомянуть эпизоды, свидетельствующие о мужестве узников, их находчивых и дерзких ответах» (Эдельман 1995: 34), со следственными документами поначалу ввергает в шок. П.Е.Щеголев (1926: 138) вспоминал, что открытие архивов следствия и публикация их материалов, ставшие возможными в результате революции 1905, вселили

«горькое разочарование в современное сознание, полное *благоговейной* памяти о героях 14 декабря. Привлеченные к следствию заговорщики, от прапорщика до генерала, не проявили никакой стойкости и с удивительной безудержностью спешили поведать своим судьям все тайные действия, все мысли, даже самые сокровенные; спешили назвать возможно больше имен, хорошо зная, что всякое указание влечет за собой арест, не останавливаясь по временам даже перед наветами и оговорами своих товарищей, и раскаивались, раскаивались без конца».

Р.Г.Эймонтова (1995: 180) в рецензии на книгу В.А.Федорова (1992), в частности, упрекает последнего в изолированном рассмотрении декабристских конституционных проектов «от того, что происходило тогда в России, где вопрос о конституции оживленно обсуждался устно и в печати, разрабатывался на правительственном уровне»: «Сопоставить же все эти факты с замыслами декабристов автор не решился: видимо, помешал сложившийся в прежние годы *стереотип*, не допускавший подобных аналогий». Причину сложения «стереотипа» Эймонтова (1995: 178) видит, в отличие от Киянской и Рахматуллина, только в одном – в давлении «официальной идеологии», которая «целенаправленно использовала движение декабристов для прославления революционного насилия».

Ю.Д.Марголис, А.Д.Марголис и Т.Н.Жуковская (1995: 184) приводят еще один пример «куриной слепоты» декабристovedов:

«Мы все еще почему-то *стыдимся* признать, что антикрепостнический пафос, которым были одержимы вернувшиеся из заграничных походов офицеры (в том числе и И.Д.Якушкин), мало у кого из них трансформировался в готовность

стать “освободителями” собственных крестьян на условиях утверждения крестьянской собственности на землю, единственно приемлемых для дела буржуазной аграрной эволюции. <...> Условия освобождения, предложенные И.Д.Якушкиным в проекте 1819 г., явно не “дотягивали” до правительственного указа о “вольных хлебопашцах”, гарантировавшего наделение выходящих из крепостной зависимости землей».

Говоря о неудавшейся попытке И.Д.Якушкина освободить крестьян, исследователи обычно не упоминают о том, что у декабриста была законная возможность избавить своих подданных от ненавистного рабства. Ему всего лишь надо было воспользоваться указом о «вольных хлебопашцах» 1803, который предписывал освобождать крестьян с землей. Но Якушкин хотел освободить крестьян без земли и нанимать их, уже «вольных», для возделывания своих угодий, на что ни согласия крестьян, ни разрешения властей не последовало. Экономические расчеты исторического декабриста: «живя в деревне, он не мог совсем отказаться от доходов с имения» (Марголис, Жуковская 1995: 184), – не согласуются с «бескорыстием», приписываемым мифическим декабристам. Чтобы вписать якушкинский проект в смысловую оболочку мифа, он должен быть представлен как «исторически прогрессивный». А поскольку он не может выглядеть «прогрессивным» в сравнении с указом «реакционного царизма», возможность законного освобождения крестьян декабристоведами не рассматривалась.

«Пилотный» обзор историографии позволяет предположить, что миф задает «рамки» – смысловые границы, за которые неосознанно «верующие» в него исследователи выйти не в состоянии. Это не означает, что работы последних не могут быть определены как научные: «Рациональные, научные построения ничуть им (мифам – С.Э.) не противоречат, поскольку работают *внутри* их, на их основе» (Балла 1999: 42). Нет необходимости приводить примеры исторических исследований, в том числе и блестящих, уютно разместившихся внутри декабристского мифа. Таковы практически все декабристоведческие исследования дореволюционного и советского периодов. Влияние мифа обнаруживается, когда историки искренне, как в вышеприведенных случаях, не замечают фактов, не вписывающихся в мифические представления:

«Там, где речь идет о культе, трудно ждать беспристрастности и объективности. “Жития святых” и научный труд – явления различных порядков, а на практике выходило так, что почти все, что писалось о “декабристах”, соответствовало

требованиям не столько научным, сколько житийным. Клишировались тысячи благонамеренных, благолепных статей и заметок, герои которых, неразличимо похожие друг на друга, были старательно приглажены, набелены и оскоплены. За пределами устоявшейся схемы оказывалось не только множество биографических черт и подробностей, способных «опорочить» любимых героев, таких, как адюльтер, венерические болезни, брошенные внебрачные дети, имущественные споры и т.п. — как бы важны для реальной судьбы они не были, но это еще полбеды, за пределами схемы оказывались не вписывающиеся в канон идеи и факты. Их либо не замечали, либо не интерпретировали должным образом» (Бокова 1994: 163–164).

Особо следует подчеркнуть, что речь не идет о пресловутых «фальсификациях прошлого» под влиянием конъюнктурных соображений государственного советского мифа, в котором декабристам отводилась роль «первого поколения»¹². Не могу согласиться с О.И.Киянской, М.А.Рахматуллиным и особенно с Р.Г.Эймонтовой, отдающим приоритет «сугубо конъюнктурным», «официально-идеологическим» причинам «слепоты» советских историков. Если не считать трудов, немногочисленных в советском декабристоведении, преданных слуг режима, то «политическая конъюнктура» сказывалась только в случаях, связанных с актуальными для официальной идеологии общими вопросами. Например, в эпоху «борьбы с низкопоклонством перед Западом» получил соответствующее разрешение вопрос о соотношении внешних и внутренних влияний в зарождении тайных обществ и их идеологии. В целом история декабристов оставалась одной из немногих тем, где в советское время можно было писать искренне¹³. Те, кто сообразовывали историю с *негосударственным* декабристским мифом (далее будет показано, для какой социальной группы он выступал в качестве священного образца), верили, что рационально изучают прошлое. Для человека, верующего в миф, реально только то, что освящено последним, остальное — не существует: «Реальность в высшей степени сакральна: ибо только сакральное существует абсолютно» (Элиаде 1998: 24).

Чтобы изучать воздействие мифа на историографию, необходимо прежде выяснить: «А был ли мальчик?» — выявить и описать характеристики мифа. При решении этого вопроса исследователь мифов Нового времени имеет существенные преимущества в сравнении с коллегами, занятыми изучением древности. Хорошая документированность эпохи позволяет детально проследить процесс «мифологизирования» исторических событий, т.е. исследовать *историю мифа*.

Эрлих С.Е. Россия колдунов. – СПб.: Алетейя, 2006. – 292 с.

Предуведомление.....	14
Проницательному читателю. (Вместо предисловия).....	15
Вместо благодарности.....	19
Вопросы для повторения.....	33

РОССИЯ КОЛДУНОВ

(САКРАЛЬНАЯ ПРИРОДА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ)

Что есть интеллигенция?.....	41
Формула России.....	48
Три поколения русских «колдунов».....	54
Три метафоры сакрального текста.....	59
Колдун умер. Да здравствует...? (Эпилог 1995).....	68
Послероссие. (Эпилог 1999 и 2003).....	72
P.P.S. (Эпилог 2005).....	86
Примечания.....	95

ПОКЛОНЕНИЕ ВОЛХВАМ

(ОПЫТ ДИНАМИЧЕСКОГО СТРУКТУРАЛИЗМА)

Двуличная история.....	139
Логика «основного мифа».....	142
Карпаты – родина быков!.....	149
«Дунайская прародина».....	153
«Храмы в районе Карпат».....	163
Примечания.....	170

СТАНЕТ ЛИ ИСТОРИЯ «УЧИТЕЛЬНИЦЕЙ ЖИЗНИ»?

(«ТЕХНОЛОГИИ ВЛАСТИ» – ПРОЕКТ ОЖИВЛЕНИЯ ИСТОРИИ)

«Камо грядеши?».....	209
«Кто виноват?».....	211
«Что делать?».....	217

УОРТМАНИЯ

(ВОСПРИЯТИЕ ИДЕЙ Р.УОРТМАНА В РОССИИ)

История и власть	225
История власти	227
Власть истории	239

Международный проект «Нестор»:

«Партнерство во имя истории». (Вместо послесловия).....	245
Литература.....	257
Указатель имен	279

Анти-Эрлих. PРо-Moldova – СПб.: Алетейя, 2006.– 314 с.

Анти-Эрлих

<i>В. М. Бокова</i> (Москва). Некоторые мысли по прочтении «России колдунов».....	9
<i>Я. А. Гордин</i> (Санкт-Петербург). Эрлих против Эрлиха.....	14
<i>Б. Ф. Егоров</i> (Санкт-Петербург). О книге Сергея Эрлиха «Россия колдунов».....	20
<i>В. Жобер</i> (Париж). О книге Сергея Эрлиха «Россия колдунов».....	23
<i>Б. Н. Миронов</i> (Санкт-Петербург). Россия колдунов или Россия болтунов?	26
<i>М. Ю. Немцев</i> (Новосибирск). Интеллигенты, «колдуны» и Общее Благо: примечания к книге Сергея Эрлиха «Россия колдунов».....	41
<i>Ж. Нива</i> (Женева). Интервью. 22 июня 2005.....	63
<i>Г. С. Померанц</i> (Москва). Интервью. 16 мая 2005.....	91
<i>М. М. Сафонов</i> (Санкт-Петербург). «Былое и думы» о «России колдунов»	118
<i>А. М. Эткин</i> (Санкт-Петербург, Кембридж). Расколдовать русскую историю	174

PРо Moldova

<i>В. И. Боршевич</i> (Кишинев, Пекин). Сергей Эрлих: пророчество волхвов	185
<i>Л. А. Мосионжик</i> (Кишинев). Чем занимаются «колдуны»? (О мифе, идеологии и их печальной неизбежности)	214
<i>А. А. Романчук, В. А. Балахнова</i> (Кишинев). Российские архетипы власти и «ближневосточный деспотизм»	268
Литература	286
Сведения об авторах	295
Указатель имен.....	301

Научное издание

Сергей Ефроимович Эрлих

История мифа
(«Декабристская легенда» Герцена)

Художник: Е.Л.Харламбиева

Корректоры: Г.В.Засыпкина, Л.А.Захирина, М.М.Антоневич

Оригинал-макет: Е.Ф.Качанова, Т.Я.Могорян

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

193171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47.

E-mail: office@aletheia.spb.ru

www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (095) 336-45-32;

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55. Тел. (812) 327-26-37

Подписано в печать 01.11.2005. Формат 60x84¹/16. Бумага офсет № 1.
Гарнитура «Times». Объем 17 печ. л. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 203.

Отпечатано в типографии СПбИИ РАН «Нестор-История»,

197110, СПб., ул. Петрозаводская, д. 7.

Тел. (812) 235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru

Заказы присылать по адресу:

Издательство СПбИИ РАН «Нестор-История»,

197110, СПб., ул. Петрозаводская, д. 7.

Тел. (812) 235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru